

М.А.Стародубцева

Гроза

Мария Стародубцева

Гроза

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Стародубцева М. А.

Гроза / М. А. Стародубцева — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Трудовые будни сотрудников Следственного комитета РФ. Через маленький отдел проходит оживленная магистраль человеческих судеб: сломанных и запутанных. Никто не останется незапятнанным, каждый, кто сможет выбраться из затягивающей в свое сердце грозы, обязан измениться. Вот только для кого снова взойдет солнце?

© Стародубцева М. А., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Гроза	5
1.	6
2.	10
3.	13
4.	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Гроза

Мария Стародубцева/Лизель Вайс(псевдоним)

1.

6 часов утра 21 марта. Ленточный бор, возвышавшийся по обеим сторонам русла железной дороги, зябко покачивался темной полусумеречной массой, стремясь спрятаться от сырого южного ветра. Рыхлый снег проседал и тяжелел, грязно-серым желе разбухал между высоченными прямыми соснами, стекая к полотну рельс, где обнажалась рыже-бурая мокрая земля.

Игорь Зимин, привычно рассекая воздух и наст острыми наконечниками лыжных палок, бежал коньковым ходом по расчищенной колее. Палки лыжника-любителя втыкались в снег, делая его похожим на вязкое решето. Пуховик он сегодня надел зря, разгорячившись, быстро вспотел, и теперь то и дело поправлял намокшую шапку, съезжавшую на лоб. Лишние килограммы, найденные на последнем обследовании, давали о себе знать, после получасовой пробежки по лесным тропам, сердце колотилось, а перед глазами расплывались разноцветные круги.

Зимин работал специалистом в бухгалтерии, бегать по утрам решил полтора месяца назад, получалось нерегулярно, но, в целом, распорядок его устраивал. В тридцать пять нужно держать себя в форме. Он на бегу покосился на часы, остановился, чтобы отдышаться. Впереди на смутно видневшейся в сумерках дороге чернел завал, такое бывало частенько. Дорога одна в этой части леса, чуть ниже будет стрелковый клуб «Боец», и такая тишина и свежий воздух здесь только сейчас. Он подбежал к завалу, оказавшемуся нагромождением обломанных еловых лап, и от неожиданности чуть не улетел лицом в соседний сугроб. Из-под веток торчали темно-коричневые сапоги-дутьши. Зимин лихорадочно принялся нашаривать свой купленный в кредит пятый айфон по карманам.

Двадцать минут седьмого. Заспанный оперативный дежурный Олег Полозков, полночи прошедший в «Доте-2», вздрогнул, услышав навязчивое дребезжание звонка. Кроме него, в дежурке были еще два охранника и залипший в телефоне оперативник.

–Отдел полиции Центрального района, дежурный, лейтенант Полозков, – рывком собравшись, бодро проговорил он. В динамике раздались нервные выкрики. – говорите четче.

–Тут в лесу труп в сугробе, – сообщила трубка. – вроде парень под поезд попал. Ветками завален, снаружи почти не видно, только сапоги торчат.

–Пожалуйста, ничего не трогайте. Где вы находитесь?

–Ленточный бор, возле стрелкового клуба «Боец», я тут на лыжах бегал.

Лейтенант привычно открыл бланк регистрации сообщения о преступлении и принялся быстро печатать.

–Ваши анкетные данные?

–Что? Я говорю, труп в лесу лежит!

–Назовите пожалуйста ваше имя, год и место рождения. – буднично повторил Полозков. Хорошо хоть сообщающий не пьян, как это частенько бывает. Общий язык нужно находить с каждым, как того требует приказ. Ага, особенно сейчас, после ночного дежурства. Полозков по привычке почесал нос, проглядывая данные в бланке.

–Зимин Игорь Васильевич, 1982 год рождения, Барнаул, – голос слегка успокоился, – паспортные данные не помню, извините.

Лейтенант переключился на соседнюю линию.

–Направить следственно-оперативную группу для проверки информации сообщения №216/17 по адресу: Барнаул, Широкая просека, 3 стрелковый клуб «Боец», район Ленточного бора.

–Ваше сообщение зарегистрировано 21 марта 2017 года в 6:35 утра. – Полозков отключил телефон, сохранил бланк и распечатал его на принтере. Затем записал его в книге учета заяв-

лений и сообщений. Лейтенант набрал номер помощника начальника отдела, майора полиции Киселева.

– Андрей Сергеевич? Дежурный, лейтенант Полозков, докладывает: поступило сообщение о преступлении в районе Широкой просеки, 3, Ленточный бор. Предположительно самоубийство, обнаруживший труп лыжник сообщил, что парень попал под поезд.

– СОГ извещена?

– Так точно.

– Хорошо. Олег, звони Соколовскому, это их отдела подследственность.

– Так точно. – Лейтенант отключился.

6:45 утра. Смартфон Юрия Соколовского разразился навязчивой трелью, пока его владелец торопливо вливал в себя крепкий черный кофе. Следственный отдел начинал работу в 9 часов, а у него было сегодня дежурство, так что поспать толком не удалось. В марте подвальное помещение, где их разместили, затопили грязные потоки талого снега вперемешку с собачьим дерьмом с улицы, капало с потолка и зарешеченных окон, трем столам пришлось соседствовать с тазиками с водой.

Бумага отсырела, принтеры и ксерокс работать отказывались, только факс исправно пищал время от времени. В компьютер попал какой-то вирус, загрузить древний ноутбук удалось только с третьего раза, при этом он гудел, как разгоняющийся на взлетной полосе самолет. И выдавал синий экран смерти, потом перезагружался и вис по новой. На черном экране был сантиметровой слой пыли, буквы на клавиатуре полустерлись, и Соколовскому пришлось учиться печатать вслепую. Выходило плохо, он потом по пятнадцать минут исправлял собственные ошибки, по привычке расставляя запятые в самых ненужных местах.

– Докладывает дежурный Полозков, – сообщил динамик. – поступило сообщение о предполагаемом самоубийстве в районе Ленточный бор, Широкая просека, 3. Следственно-оперативная группа по подследственности направлена к тебе, в Централку.

– Время? – рявкнул в динамик следователь.

– В районе пяти минут подъедут.

Соколовский быстро накинул куртку, привычно залил в нос ничуть не помогавшие капли от насморка, обострившегося весной, и выскочил на улицу. Дорогу размыло окончательно, деревянный тротуар утонул в снегу и грязи, с неба мелкой крупой сыпался снег, на полдороге становясь дождем. Ему сильно хотелось курить, куртка не грела, уже заляпанная дождевыми каплями. В кармане лежала начатая пачка, не стерпев, он вытащил сигарету дрожащими покрасневшими пальцами. На ветру зажигалка никак не хотела срабатывать, огонек упорно гас, только обжигая. Выругавшись про себя, Соколовский скомкал сигарету, бросил ее в лужу под ногами, где она быстро размокла.

Без десяти семь подъехала свежезабрызганная «Газель» с опергруппой. Встали прямо в здоровенной луже в рытвине напротив двери следственного отдела, немного забуксовав. В машине, пропахшей потом и почему-то чипсами, сидели двое оперативников, Коргин и Михеев, и криминалист Лебедев.

– Привет, мужики, – сухо поздоровался Соколовский, то и дело вскидывая тяжелую из-за ринита голову. – А Белов где?

– Собачку выгуливает, – ехидно отозвался Лебедев, устраиваясь поудобнее. Водитель, Паша Кондратов, резко тронул машину с места, «Газель», тяжело переваливаясь на ухабах, вырулила на Красноармейский.

Дождь залипал в окна, со скрипом работали дворники у водителя, размазывая грязь по лобовому стеклу. От их скрипа было ощущение, как от возни пенопласта по стеклу, вплоть до зубной боли.

Ехали минут пятнадцать, движение утром довольно интенсивное. Паша включил «Милицейскую волну», популярный исполнитель, имени которого не могли припомнить, запел про

золотые купола, наколотые на груди. Только они, как известно, синие и не грамма золота. Блатной шансон как раз подходит ментам. И это был сарказм. Пару раз чуть не встали в пробку.

–Как Лиза? – спросил Соколовский у Саши Михеева, сидевшего «ВКонтакте». Оперативник вяло поднял голову.

–Сказала, что тебя самого надо убить, за то, что заставляешь нас ехать ни свет ни заря в лес.

–Очень смешно, – саркастически отозвался следователь, зевая с риском вывихнуть челюсть. –Это Полозкову надо сказать спасибо за оперативность и быстрое реагирование. Угробим весь день на самоубийцу.

–Хоть бы с рельс отскребать не пришлось, – пробурчал Лебедев, – как в прошлый раз.

Машину опять подбросило, в стекло полетели брызги очередной лужи. В динамиках пели о ночи над лагерем и облетающей листве. Сплошная зона. Кондратов уверял, что лучше концентрируется от подобного шлака, однако, судя по судорожному вихлянию «Газели» по ухабам, сегодня был не его день.

–Не парьтесь, мы даже не доедем, – Соколовский сегодня был сама разговорчивость, обычно за ним такого не водилось. – затонем по дороге.

–Три дежурства подряд портят характер, – флегматично заметил имеющий хотя бы иллюзорную возможность выспаться Михеев. Старый друг еще со студенческой скамьи ответил ему весьма красноречивым взглядом.

Машина выехала на Кутузова, рытвины зачастили. Неделю назад из-за ремонта блокировали центр города, намечалось какое-то мероприятие. В итоге оно сорвалось, а вместе с ним исчез и асфальт. Создавалось впечатление, что его экстренно сняли обратно, еле успев положить. На переезде стояли сразу три машины ДПС, созванные сюда Полозковым для перекрытия движения. Поток автомобилей шел в объезд, раздраженно сверкая сотнями фар. Утро вторника выдалось нервным и холодным. Доехав до моста магистрали на выезде из города, «Газель остановилась».

СОГ выгрузилась в грязь, поминутно ругаясь, Соколовский полез вниз по обледенелым расхлябанным каменным ступеням спуска к железнодорожному полотну. Мимо, трясясь и колыхаясь, грохотал поезд внизу, на блестящих от дождя рельсах, неслись, разбрызгивая лужи и мокрый снег машины вверх. Дорожники, страхуясь от гололеда, посыпали дороги песком, он набух, отяжелел, смешался с грязью и летел теперь из-под колес в лица пешеходам. Рядом на дороге боком торчала здоровенная фура, груженная сосновыми бревнами, истекающими смолой. Кондратов закурил, высунувшись в окно, по опыту, сидеть предстояло очень долго. Оперативники спрыгнули на полотно рельс, по направленной ориентировке идти по шпалам предстояло три с половиной километра.

–Хорошо, что Лизка не пошла к вам в следки, осталась на кафедре универа, – пробормотал Михеев, – сейчас бы все каблуки себе обломала.

Соколовский только отмахнулся. Заложенный нос отлично прочищали сигареты, думать он сейчас был согласен только о них. Идти по рельсам довольно неудобно, в подошвы ботинок набивается щебенка, мокрая и острая, и ощутимо колет, ступать по шпалам не получается, нога сбивается с ритма.

Коренастый Лебедев, волоча свой неизменный чемодан, пыхтел, стараясь не отстать от длинноногих оперов и Соколовского. Леха Коргин в СОГ был недавно, полгода после перевода из Индустриального района. Централку гоняли чаще, семь-восемь выездов в три дня считалось нормой. Сверху кружили какие-то птицы, вроде ворон. Временами раздавалось хриплое карканье, наверно, наверху разыгрывался нешуточный ветер, раз вороны летали практически кувырком. Грозовой фронт, холодный воздух прессинговал горячий.

–Везет им, – кивнул Коргин, уже успевший обзавестись небольшой проплешиной в двадцать восемь лет. – летают и не волнуются ни о чем.

–А по-моему девиз птицы: маши крыльями, пока не сдохнешь. Они не могут летать без дела.

Михеев споткнулся об очередную разбухшую шпалу, попутно высказав все, что он о ней думает. Большой палец левой ноги ощутимо болел, только этого не хватало. Не видящий везения в птичьих полетах Соколовский высмотрел впереди поезд, пришлось сойти с полотна и ждать, пока он пройдет. Лебедев замешкался и спрыгнул с рельс с другой стороны, поезд скрыл его. Нужно было торопиться, утихнувший было дождь зарядил с удвоенной силой, а идти еще полтора километра.

–А куда сгинул Жека? – осведомился Коргин у двух приятелей, напоминавших взмысленных коней. Куртки не помогали, только жарили напрасно. Пот тек по лицам, мешаясь с дождем. Ветер дул теплый, хоть и порывистый, парни продрогли и походили на растрепанных мокрых ворон, наподобие кувыркающихся над ними.

–Ну, если он не стал Анной Карениной, то догонит нас.

–Лех, не лезь к Юре, его судьба обидела, в подвал загнала,– усмехнулся Михеев, стянув ненужную шапку. Влажные от пота растрепанные темные волосы достались ветру. Соколовский на правах насморка вынужден был париться под капюшоном куртки и меланхолично шмыгать носом на каждом вдохе. Дышать было вообще нечем, он то и дело запрокидывал голову, так, что в глазах темнело, пытаясь продохнуть.

–Зато меня начальство не пилит за чрезмерную инициативность,– отпарировал он первым пришедшим в голову.

–Зато я не ночую на работе,– Сашка убил аргументы друга наповал, заставив того насуплено уткнуться в телефон, сверяя по джиписэ их местонахождение. На рельсах в ярко-оранжевой форменной одежде работали ремонтники, возникший из небытия Лебедев предложил свериться у них. Соколовский, едва сойдя с рельс, увяз в рыхлом снегу по колено, и, чертыхаясь, полез к рабочим спрашивать дорогу.

–Они понятия не имеют, их не осведомили,– сообщил он, вернувшись. И снова пошел длинный однообразный ряд шпал, уходящих за горизонт. Привыкший смотреть себе под ноги Михеев от скуки решил начать их считать. Ветер явно намеревался перейти в бурю.

–Смотрите, елка двухголовая,– решил взбодрить приятелей Лебедев, запыхавшийся и покрасневший. Особого впечатления это не произвело. Соколовский, горевший болезненным румянцем, с бараньим упорством тащился вперед, высматривая место преступления по координатам. Михеев и Коргин для приличия оглянулись, но ничего интересного в одинаковых рядах хвойных не заметили. Наконец координаты сошлись, судя по ориентировке труп лежал на лыжной тропе в восьмистах метрах от железки. Следовательно осторожно полез по сугробам к деревьям, поминутно проваливаясь, за ним снег утрамбовывали Коргин с Михеевым. Замыкал Лебедев, шедший относительно свободно. Возле рельс была оттаявшая бурая земля, дальше снег был вымазан чем-то вроде мазута или солярки, а у самих сосен была нетронутая глубокая и мокрая рыхлая масса. Время двадцать пять минут восьмого утра.

2.

Зимин, естественно, давно испарился с места преступления на работу. СОГ, кое-как продравшись сквозь рыхлый снег, столпилась у завала. Соколовский с Михеевым принялись осторожно разбирать еловые лапы, беспорядочно сваленные на труп. Сильно запахло смолой, хвоя кололась и ломалась под пальцами.

– Лыжник лоханулся, это тетка, – констатировал Михеев, бесстрастно разглядывая скрюченное в позе эмбриона тело. Молодая женщина, явно не бомжиха, устремила в небо неподвижные пустые глаза. Лицо, уже распухшее и одутловатое, было розовато-землистым. Мокрая заиндевевшая одежда частично примерзла к насту, пришлось оттирать.

– Успела окоченеть, налицо признаки разложения, замедленные ночным холодом, – пробурчал себе под нос следователь, – разбухла как дохлая лошадь, точный возраст не определишь. Давай Жека, я пока позвоню Семко. – он полез в карман за телефоном. – Алло, Сергей, нужна твоя консультация, район Широкой просеки, 3, труп женщины. – Динамик отключился.

Криминалист привычными быстрыми движениями натянул на озябшие красные руки тонкие латексные белые перчатки. Согреться они не помогают ничуть, продуваемые насквозь. И очень легко рвутся, обычно их на выезд берешь по две– три пары. Соколовский фотографировал труп на мылъницу, только потом Лебедев перевернул тело на спину.

– Женщина, предположительно заблудилась и замерзла в лесу. Ветки нарвала с соседних деревьев, пыталась согреться, заснула.

Следователь принялся обшаривать карманы трупа. Одежда туго натянулась на теле, походившем на надутую резиновую куклу.

– Сукровица из носа, посмертные выделения? – он указал на забрызганный кровью желтый шарф трупа крупной машинной вязки. – И здесь тоже? – на левом боку бледно-зеленоватая кожа тоже краснела полосками крови. – Или ее тащили?

– Вряд ли, кровь выступила после смерти, такое вызывает резкое падение давления.

– Значит, пришла сюда, замерзла, не смогла согреться, заблудилась? – следователь продолжал осмотр, в нагрудном кармане пуховика трупа цвета хаки обнаружился выпачканный кровью билет на автобус, намокший и полурасползшийся. Соколовский осторожно вложил улику в блокнот, пытаясь расправить.

– Дай посмотреть, – Лебедев близоруко сощурился, вглядываясь в полустершийся клочок грязной бумаги. – билет на автобус?

– Да. Номер не разобрать, но дата отправления стоит 17 марта. Похоже, это потеряшка с Индустриального, они в пятницу возились с ориентировками, по внешнему виду вроде совпадает. Документов при себе нет.

– Передаем индусам по подследственности? – Михеев зевнул.

– Обломится, теперь уже меня к ней привяжут. Слушай, Жека, посмотри, может ее изнасиловать успели?

– Если бы ее насиловали, – резонно возразил Лебедев, – с нее бы штаны сняли, а она чистая и одета полностью. Не катит.

Следователь опять принялся названивать судмедэксперту Семко, динамик что-то бормотал и отключался. Время половина девятого утра, сплошные промедления. Коргин с Михеевым отошли к железнодорожному полотну перекурить. Лебедев шатался по лесу в поисках обломанных нижних ветвей росших поблизости елей, временами он подбирал палки с земли и подолгу вертел их в руках. Как шаман, заклинающий дождь. Причем, заклинающий скверно, морось перешла в частую дробную поливку. Дождевые капли стучали по капюшону куртки следователя, как по шиферной крыше дома, отдаваясь у него в голове. Стоять было сыро, холодно

и неудобно, оставалось позавидовать труп, следившему за ними полузакрытыми водянисто-серыми глазами.

Озябнув окончательно, Соколовский присел на корточки, раскрыл сумку, вытащил оттуда бумагу и планшет, и принялся набрасывать протокол осмотра. До прибытия судмедэксперта действий с телом проводить было нельзя, оставалось молча проклинать Семко, как обычно пустившего в выходные корни у стойки бара. Дождь лил безостановочно, оперативники вернулись под деревья, взъерошенные и злые. Следователь набрал эксперта в двадцатый раз, динамик вообще ответил длинными гудками.

Снег с каждой минутой проседал и опадал, если оставались какие-то следы преступления, быстро увеличивался риск их потери. Томительное ожидание бесило Соколовского, который после нескольких дежурств подряд и так постоянно был на взводе, чувствуя себя профессиональным зомби. Михеев, отсидевший с ним весь универ за одной партой и год армии в одной части, хорошо усвоил, что в такие минуты к Юре лучше не подходить. Лебедев приволок целый ворох палок и сучьев, и принялся их сортировать.

–Есть следы слома?

–Да, ветки обломали вон у тех деревьев,– криминалист махнул рукой влево, в сторону небольшой прогалины,– получается она шла туда, но следов нет.

–Лыжник затоптал, плюс наст проваливается, через три часа ничего, по сути, не останется.

Со стороны железной дороги послышались голоса, из-за деревьев возник судмедэксперт Сергей Семко собственной персоной. Он прихватил дождевик, поэтому, в отличие от остальных, не смахивал на мокрую курицу. Михеев мрачно покосился на него.

–Юрка тебя прибьет

–А мне плевать, у меня еще четыре трупа висят, и на каждом по следаку, которым страсть как охота меня увидеть! У меня полчаса, мужики.

Семко подошел к трупу, механическими движениями автомата принялся снимать с тела одежду. Сапоги – дутыши обтянули ноги так, что встал вопрос, разрезать их или нет. Эксперту было лень осматривать ноги, тем более, что без особого смысла, так что сапоги просто в итоге указали в протоколе как часть описи вещей при убитой. Действовал он быстро и цинично. Но здесь цинизм становится неотъемлемой частью работы, к нему привыкаешь и уже не обращаешь внимания на подобную мелочь. Неделю назад им выпало вытаскивать из переполненной ванны труп парня, вскрывшего себе вены и по классическому сценарию оставившего записку с признанием в любви какой-то школьнице.

Вроде бы избитый и затасканный до предела сюжет, даже глуповатая усмешка мелькала то и дело на тонких губах того же Соколовского, пока он писал там протокол, сидя у ванной с красной водой на типовом железном тонконогом табурете. Но наигранность сюжета здорово меркла при виде заплаканной почерневшей от горя матери, не понимающей, за что ей в сорок один год такой удар. Простая грязь и простое величие смерти обезоруживают даже ее верных слуг, саркастичных и озлобленных псов закона.

Зачем было тыкать этой матери под нос уголовный кодекс со статьей 110 про доведение до самоубийства и говорить, что дело не возбудить и здесь будет только постановление об отказе? Перед ней лежал труп ее ребенка, ясно утверждающий свою трагедию, и в ту минуту никакой кодекс не мог ей объяснить, почему он это сделал. А потом наступила злость на закон, который не смог оградить ее сына от бритвы, и на оперативников, которые не успели ему помочь. Обычная проблема обычной смерти, жуткий и привычный парадокс, с которым уже смирились и просто закрывают на него глаза.

–Фиксируй, Сокол, – следователя вырвал из задумчивости окрик судмедэксперта,– женщина, приблизительно двадцать девять-тридцать лет, точное время смерти сказать не могу, но, похоже, от двух до четырех суток назад. Повезло, что все это время держался холод, оттепель

пошла только с сегодня. Рост примерно метр шестьдесят пять, глаза серые, волосы белесые, блондинка. – следователь быстро строчил на листах протокола. – Так, шмотье. Пуховик, цвет темно-зеленый, джинсы, цвет темно-синий, – описанные вещи были брошены в снег по соседству, Михеев принялся их аккуратно сворачивать и укладывать. – свитер желтый, вязаный, такая же шапка и шарф, запачканный бурой жидкостью, то есть кровью. – Свитер пришлось снимать довольно долго, он натянулся на труп, как кожа на барабане и одеревенел. Наконец Семко стянул его, обнажив рыхлое полноватое распухшее тело, в которое впился простой черный лифчик. Живот трупа надулся и был совершенно неподатливым.

–Насиловали ее? – вернулся к своей теме следователь.

–Нет, нижнее белье на месте, джинсы не сняты, не расстегнуты,– отозвался судмедэксперт, размещая труп поудобнее и склоняясь над ним, как над собственной жертвой. В камуфляже и дождевике громила Семко выглядел внушительно, как того и хотел. Уже трижды ему названивали клиенты, жаждавшие навязать бедняге на голову очередного покойника.

Из-за масштабного зимнего сокращения, Семко остался практически одним квалифицированным судмедэкспертом на три района, о чем обожал напоминать зарвавшимся следакам, подчеркивая свою автономность от СОГ. Высокое начальство дало негласный приказ на оптимизацию, уже прошерстили экспертизу и угрозыск, до следствия пока не дошло. Возможно потому, что там и так нечего было оптимизировать.

–Ну, я с вами согласен, смерть от обморожения,– продолжал он, пытаясь справиться с заклинившими крючками лифчика. Ему это удалось, теперь труп был обнажен до пояса. А под левой грудью виднелось отверстие со следами крови.

Соколовский присвистнул.

–Кол-рез,– констатировал судмедэксперт,– ножом ее пырнули. Или шилом, орудие с узким и тонким лезвием.

–Теперь точно не отвяжешься, убийство чистое. – следователь недовольно покосился на Михеева.

Семко продолжал колдовать над трупом, что-то ему явно не нравилось. Рывком приподняв неподатливое резиновое тело, он перевернул его на бок и толкнул Соколовского, тот обернулся.

–Блеск! Убийца прямо для нас старался.

Следователь мрачно сверлил взглядом выходное отверстие в спине, примерно на том же уровне, что и входное. И почему нельзя было принять их версию с обморожением? Угораздило же эту тетку забрести сюда, да еще и словить пулю.

–Вся кровь внутри осталась, в грудной полости,– Семко, в подтверждение своих слов, слегка надавил на край округлой небольшой раны, оттуда сразу потекла темно-красная густая холодная кровь. Как могла бы течь вода из проколотого мешка, не останавливаясь и не свертываясь. Пуля осталась в теле, извлекать ее предстояло патологоанатому в морге. Судмедэксперт, сфотографировав все необходимое, снова напялил на труп одежду и растворился в серой сплошной пелене дождя. На трупе капли не держались, скатывались в просевший снег.

Огнестрел в Барнауле означал большой резонанс дела, так не убивали уже лет десять, если не больше. Время одиннадцать утра.

3.

Следователь распорядился снять отпечатки пальцев и смывы. Лебедев, кряхтя, присел на корточки перед трупом, раскрыв свой неизменный и порядком ободранный черный чемодан. Внутри были пробирки, вата, бумага, перчатки и куча полиэтиленовых мешочков. Криминалист нарезал несколько полосок бумаги для каждого пальца, пометив их черным маркером, и попутно выругавшись, что он почти засох.

Потом придвинулся поближе к трупу, и принялся разгибать заиндевевшие скрюченные распухшие пальцы на ближней к нему левой руке. Пальцы поддавались с трудом, только через пару минут ему удалось их размять. На ощупь они напоминали холодный пластилин, немного липкий и отсыревший. Сырость проступала даже сквозь перчатки. Ногти были покрыты недорогим светло-серым лаком, местами облезшим и покоробленным, не обкусанные, женщина не отличалась нервозностью, скорее всего. Тонкие при жизни пальцы, правильной формы.

Лебедев любил разглядывать украдкой человеческое тело, он после этого проникался какой-то особенной нежностью и трепетностью к собственному. Проработав в полиции пятнадцать лет, он и сейчас представить не мог, как это его собственные пальцы, теплые и повинующиеся любой его прихоти, вдруг одеревенеют и также не будут поддаваться резким движениям какого-нибудь чужого незнакомого эксперта, который вот так будет их мять и разгибать. Он даже незаметно покосился на них, боязливо отведя глаза сразу же.

Смерть была простым и обыденным явлением даже здесь, но в глубине души ты все равно надеешься, что она пройдет мимо тебя, не заметит и не возьмет с собой. Но рядом она расхаживала постоянно, сидела за столом с тобой, и ты мог слышать, как она смеется над твоими философскими размышлениями. А философствовать криминалист начинал обычно после третьей рюмки водки, уходя в пятничный запой.

Видимых загрязнений на пальцах не было, но он все равно аккуратно и методично протер их ваткой, смоченной в перекиси водорода. Пальцы немного размягчились, теперь можно было приступать к снятию отпечатков. Лебедев нанес на них тонкий слой дактилоскопической краски, а затем принялся осторожно прокатывать обрезки бумаги по подушечкам ногтевых фаланг пальцев трупа. Пару раз тонкая бумага порвалась и соскользнула, он вынужден был повторить всю процедуру с начала. На каждом листочке он делал пометку, с какого пальца взят отпечаток, и складывал их по одному в полиэтиленовые пакетики, оформляя вещдоки.

Тем временем, Соколовский вместе с Михеевым измеряли расстояние от места обнаружения трупа до железной дороги с помощью дальномера. Этот прибор был, похоже, изобретением следственного отдела, буквально просившего милостыню у соседней полиции и экономившего на всем. Даже листы протокола, который он сейчас заполнял минут десять, на проверку оказались частью чьей-то курсовой работы с обратной стороны. Еще и не уголовной тематики, в итоге на протоколе сзади разворачивалась характеристика Конституции СССР 1936 года. В отделе толпилось много студентов, так называемых общественных помощников, вернее, общественных баранов, коими он их считал. В бытность свою студентом бакалавриата, четыре года назад, он тоже был таким помощником, буквально ночевал в отделе. Сейчас, если бы его спросили, зачем он это делал, Соколовский надолго бы завис. За два года работы должность следователя успела ему осточертеть. Даже этот дальномер, помесь компаса и джипиэс-навигатора, сконструированная его напарником Бернсом с истинно немецкой педантичностью. Дальномер был один на два отдела, Бернс отдавал его неохотно и тряся над изобретением больше, чем над собственной годовалой дочерью. Зря тряся, дальномер не работал.

–Саша, сейчас будем с линейкой ходить, направь его на ту сосну, пусть сигнал отразится сюда, что ты его таскаешь?– это пришлось почти орать, Михеев в поисках удобной позиции для

лазера ушел на другую сторону железной дороги вверх по обрывистому спуску, встав между деревьями.

– Не фиксирует он сосну твою, третий раз сбивает. Направляю на столб железной дороги №87, вон тот. – Михеев никак не мог направить лазерный луч дальномера на твердую поверхность, лазер сбивался и импульс не срабатывал. – Видишь на столбе красную точку?

– Нет. Стой. Ага, вижу. Поймал на радар столб?

– Поймал. Включаю. – Лазер опять задергался, но все же указал на поверхность столба. Импульс дальномера сработал.

– Стоп, – крикнул Соколовский, торопливо записывая появившиеся на экране координаты широты и долготы. – отключай, а то опять засбоит. – Точное место обнаружения трупа было установлено. Теперь следователь еще полчаса отчитывался для галочки, отзваниваясь начальнику своего отдела, замначальнику отдела полиции и прокурору района о находке трупа с огнестрельной раной. Мельком покосившись на часы, он выяснил, что уже почти час дня. Дождь перестал, они и не заметили. Сквозь безжизненные серые облака проглянуло холодное бледно-голубое небо, ветер немного поменял направление и ощутимо похолодел.

Соколовский названивал кинологу Белову, чтобы тот проверил район преступления с собакой, тот ответил после третьего звонка, обещав быть через полчаса. Коргин ушел встречать труповозку, сани с мигалкой, и ожидаемо пропал. Минут десять они с Михеевым лазили по сугробам, устанавливая дальномером границы района преступления. По ватсаппу Соколовскому пришла ориентировка и материал проверки на потеряшку, пропавшую женщину с Индустриального района.

– Сашок, нам повезло! Пропажка нашлась, Лихоткина Надежда, 1985 года рождения, 32 года, учительница русского языка и литературы в 85 гимназии на Чкалова. Пропала 14 марта утром, с заявлением в полицию обратилась мать, Лихоткина Татьяна Александровна.

– Такая древняя, а не замужем? – сострил пожилой оперативник, двадцативосьмилетний Саня Михеев.

– Похоже нет. Ваш звонил, Киселев, сейчас пригонит сюда все начальство и будет их тыкать в вылизанное нами до чистоты дерьмо. А мой Комаров будет ходить павлином и петь о резонансном убийстве.

– Юр, хорош брызжать, – отмахнулся от друга Михеев, – вот закончим с покойницей, поезжай к нам. Хоть поешь нормально в кои-то веки. Поесть и выспаться, о чем еще мечтать, особенно когда ты околел от холода и дико завидуешь трупу в сугробе!

– Кстати насчет еды, очень вовремя! – Пока Белов и труповозка не приехали, следователь с Михеевым, слиняв по-быстрому от возившегося с трупом и ветками Лебедева, ушли к железной дороге поесть и перекурить. С самого утра сигареты во рту не было, даже голова кружилась. Здесь дули все ветры, зато не было ворчащего криминалиста. В Сашкином чемодане обнаружился сухпай, свои запасы Соколовский успел схомячить еще сидя в отделе в полвторого ночи, одурев от скуки над решением вопроса, почему наркотики так называют, а не нарпесиками. В сухпае были пять галет, спиртовая таблетка, мини-плитка для розжига, большие спички, куриные ножки и гречка, пища богов! Пока следователь выискивал место посуше в оттаявшей жухлой траве, ставил малюсенькую для его пальцев плитку и разжигал огонь, обламывая спички, Сашка вволю курил, с наслаждением втягивая в себя дым. «Максим», не самые хорошие сигареты, но достаточно едкие, чем и притягивают.

– Ты же обещался Лизе, что бросишь? – поддел его приятель.

– Ну тебя, – отмахнулся Михеев, – не спали только. Я ей говорю, что курю по сигарете в день, не больше. – При этом он уже успел уничтожить почти половину пачки. – С утра во рту ничего, сушняк просто жуть!

– Давай сюда курицу. – Соколовский перевалил гречку в контейнер с курицей и поставил все это на раскалившуюся плитку. Поднявшись, он тоже закурил. Заложенный нос не давал в

полной мере насладиться прелестью дыма, в итоге ему пришлось чихать минуты две, протирая рукавом заслезившиеся красные глаза.

–Юра, бери больничный, хватит заражать отдел.

–Ага, очень смешно,– проворчал тот,– а работать за меня кто будет? Больничный-то не оплатят, сиди потом на мели. Пустяки, дня три и пройдет

–Ну да, я круглый год это слышу. Говорю же, приезжай к нам, вылез из своей берлоги,– заманивал Сашка,– Лиза обед приготовит, она любит, когда ты приходишь.

–Правда? – быстро спросил Соколовский, в очередной раз затягиваясь. Черные глаза следователя, обведенные красно-синими кругами от недосыпа резко метнулись в сторону что-то фиксировавшего в блокноте Лебедева. – Что он там пишет?

–Жалобу на нас с тобой, как всегда, – флегматично заметил Михеев,– что мы тут халявим, а его не накормили.

–Черт! – пока они болтали, пластиковый контейнер успел начать плавиться и сливаться в единое целое с курицей. Снять его с плитки сразу не удалось, следак только обжегся и недовольно зашипел.

–Дай сюда, холостяк-неумеха– не менее голодный Михеев, оттопырив карман кутки и зацепив контейнер. Куски курицы поделили почти поровну. В сухпае нет ложки, ее роль выполняет обломок галеты, которым и поддевается кусок мяса или гречка. Сухое безвкусное печенье служит и хлебом, это вообще чистая панацея.

Едва друзья успели проглотить еду, нарисовался Белов с Полканом, дипломированным специалистом по безопасности, находящимся на пайке снабженца. В отчете Дима прописал именно такую должность для своей овчарки. Полкану было хорошо, лучше всех. Он валялся и барахтался в песке, собирая блох и клещей, и щелкал зубами, поедая невидимых мух.

–Настоящая полицейская собака,– резюмировал Михеев, посмеиваясь своими немного бешеными серо-стальными глазами.

Полицейская собака никакого желания шататься по лесу не выражала, предпочитая кувыряться в желтой траве, вылезшей из-под снега на взгорье. Здесь, наверху, над дорогой, снег почти сошел, земля была устлана хвоей и завалена бурыми прошлогодними шишками, которые Полкан то и дело пробовал на зуб. Бежать он не хотел, расселся на хвое, вывесив наружу мокрый розовый язык и показывая желтоватые клыки. Впрочем, светло-карие глаза собаки доказывали ее доброту, несмотря на брутальный внешний вид. Совместными усилиями удалось содрать двухлетку –овчарку с места и проташить ее по лесу.

При весе килограмм в тридцать, упитанная псина, упирившаяся толстыми грязными лапами в мокрый песок, походила на бочонок. Соколовский с Михеевым ползали по хвое, высматривая улики. Возле упавшей зимой сосны обнаружился целый обеденный стол. Недопитая бутылка дешевой водки стояла на доске, неуклюже вделанной между двух деревьев, там же размещалась красная бутылка кетчупа. На земле валялся обрывок газеты, придавленный наполовину опорожненной бутылкой «Спрайта», там же смятые пластиковые одноразовые стаканчики, переломанная надвое пластмассовая тарелка и аккуратно упакованный хлеб в нарезке «Алтайские закрома».

–Стоп, здесь следы,– Белов унял собаку, пока следователь фотографировал, потом они принялись сортировать вещдоки, складывать бутылки в один мешок, остальное в другой. Снизу позвонил вернувшийся Коргин, они с Лебедевым нашли коробку из-под петард «Буря» и две раздавленные жестяные банки из-под колы.– Леха нашел коробку «Буря в пустыне», прикинь?

–Ну да, пока мы тут объедки собираем. – Диман Белов игрался с Полканом, наплевав на преступление и тому подобные житейские неурядицы. Овчарка в мощной шерстяной шубе жарилась на весеннем солнышке, развалившись перед оперативниками брюхом кверху и задрав

лапы. Опер, щурясь, почесывал лохматого коллегу по упругому животу, надувшемуся как шар. Пес уже успел где-то перекусить в лесу, наверно, пообедал мухами.

Чуть ниже обнаружилась еще одна бутылка. По датам и повреждениям определили, что она валяется тут не с прошлой осени, а не больше недели.

– Судя по всему, она была тут с любовником, – Соколовский набрасывал схему места преступления в блокноте на ходу, пока Сашка увязывал мешки из-под мусора, гордо именовавшиеся в отделе хранилищем доказательств. Черные тонкие мешки легко рвались, приходилось таскать с собой целый комплект. На каждый клеилась скотчем бумажка с подписью. – он ее пригласил на пикник. Потом поссорились, и он ее пристрелил в упор. Пока ругались, пришли туда, вниз по откосу, так как следов волочения тела не было.

Диман уволок довольную и разморевшую на солнцепеке собаку обратно, оперативники пошли назад к труп. Там уже собралось высокое начальство, прокурор Централки Красиков, начальник следственного отдела Комаров и замыкающий тройку букв «к» Киселев, замначальника отдела полиции. Соколовский показал им протокол и схему места происшествия.

– Так, откуда взялись сломанные ветки? – спросил Аркадий Иванович Комаров, толстый очкарик и педант, которого следователи между собой саркастически именовали «наш обожаемый шеф».

– Предположительно сам забросал труп, с целью сокрытия, – отрапортовал Соколовский.

– Гильза?

– Пока не найдена.

– Найти немедленно.

Отдав еще несколько указаний и получив фотоматериалы, начальники степенно удалились. С ними уехали и сани-труповозка. Это типичный снегоход «Буран», только выкрашенный в сине-белый цвет и с прицепленной мигалкой сверху. К снегоходу крепится жестяной поддон, отчаянно подскакивающий и дребезжащий на ухабах, туда и помещается труп, фиксируемый ремнями для надежности. Сани долго не могли проехать к труп. между деревьев, в итоге они остановились метрах в десяти, трое оперативников облекли тело в черный непроницаемый мешок, перетянули вязками и погрузили в сани. СОГ на короткое время разрослась до тридцати с лишним человек, там заправлял Комаров, когда он уехал, остальные потянулись за ним.

– Миссия выслуживания выполнена, – Соколовского, который к трем часам дня успел уже выбиться из сил, просто трясло.

Лебедев упаковал свои ветки и фотографии слома в мешки, увязав их, и благополучно уехал вслед за начальством. Коргина и Михеева следователь отправил искать злополучную гильзу, втроем они полезли обшаривать деревья на предмет наличия повреждений коры. Если бы пуля срикошетила или ушла в «молоко», они бы были, а так оперативники сидели по пояс в рыхлом снегу до четырех часов вечера. И все это в радиусе десяти метров от труп. Временами они перекрикивались, но за час смогли найти только одну ель, у которой была слегка повреждена кора.

– Зайцы объели, – пробурчал Михеев соседнему дереву.

– Все, ура! Гильза от пестика! – заорал Леха Коргин откуда-то из-за деревьев. Он появился оттуда весь мокрый, в снегу, но довольный. Соколовский нервно выхватил у него гильзу, определил тип пистолета и сообщил ориентировку в отдел полиции. Дежурный снарядил наряд. Время – 16:45 вечера. В 17 часов Соколовскому отзвонился Лебедев, сообщив о взятии подозреваемого на его собственной квартире. Баллистики по гильзе определили пистолет Макарова. Без них, конечно, никто бы об этом не догадался.

– Пошли в отдел, парни, – следователь в который раз залил в нос бесполезные капли, от утреннего полного пузырька осталось на доньшке.

Обратно шли быстро и молча. На переезде ждал Паша, к нему торопились, как к родной матери, уставшие и вымотанные вконец.

–А все-таки вон она, двухголовая елка,– Михеев неожиданно радостно ткнул пальцем в гущу деревьев. Елку увидели все в быстро сгущавшихся сумерках. Кратковременное солнце исчезло, уступив место очередным тучам, обещавшим принести дождь.

Едва приехав в отдел в половине седьмого вечера, и скинув вещдоки, СОГ рассталась. Михеев с Коргиным ушли к себе, Соколовский вместе с напарником, Эдиком Бернсом, должен был допросить подозреваемого, Ивана Колосова. Парня взяли по заявлению матери потерпевшей, указавшей его номер в тексте, а дальше уже дело техники. Дежурить в ночь предстояло, в порядке очереди, Эдику. Рад он был безумно.

4.

Подозреваемый, тридцатипятилетний охранник ЧОПа Колосов, оказался высоким нагловатым парнем, всячески отрицавшим свою причастность к убийству. Допрос велся в семь вечера откровенно зевавшим Соколовским и снимался Бернсом, просидевшим весь день в отделе и выглядевшим относительно свежим. Его напарник напоминал тухлую селедку вялым и отрешенным выражением сонных глаз. Тем не менее, нужно было работать. Пока Бернс диктовал в камеру стандартные формулы, Юрий вглядывался в белевший перед ним на мониторе ноутбука бланк протокола допроса подозреваемого, соображая, как бы закончить побыстрее. Пока он еще в состоянии что-то соображать.

– Следователь СО по Центральному району г.Барнаула СУ СК РФ старший лейтенант юстиции Соколовский Ю.А. в помещении кабинета № 6 следственного отдела по Центральному району г.Барнаула в соответствии с частью второй ст. 46, ст. 189, 190 (частью первой ст. 223¹) УПК РФ допросил по уголовному делу №177865429 Колосова И.А. – машинально диктовал он себе шапку протокола. Дело уже было возбуждено, сейчас он второпях печатал постановление о возбуждении, пока не привели убийцу. Дальше в протоколе шли стандартные анкетные данные пока еще подозреваемого, разъяснения ст.51 Конституции, по которой он мог не свидетельствовать против себя и тому подобная муть. – Подозреваемому Колосову И.А. объявлено, что он подозревается в убийстве, то есть в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст.105 УК РФ. Подозреваемый, вам понятно?

– Так точно, – отрубил тот, согнувшись на стуле и опустив голову.

– Желаете давать показания?

– Да.

– Что вы делали 17 марта, в период с двух часов дня до восьми часов вечера? – это время в морге определили, как предположительное время совершения преступления. Сообщили по факсу полчаса назад. Обычно морг долго тянул с выдачей заключений, и сейчас следователь располагал только словесной консультацией патологоанатома Пономарева и разъяснениями судмедэксперта Семко, которые к делу подшить никак было нельзя. Нормальный акт будет, в лучшем случае, месяца через три. А в морг по поводу задержек лучше не звонить, пошлют настолько далеко, что сам к ним загремишь.

Колосов пожал плечами, ерзя на слишком маленьком для него неудобном стуле. В кабинете было настолько тесно, что вытянув ноги, он мог дотянуться почти до противоположной стены. Сбоку на него неодобрительно косился Сергей Иванович, отделовский манекен для следственных экспериментов. Выглядел он как заправский зомби, зеленоватый, покрытый облупившейся розовой краской, одетый в темно-синюю мятую робу, он сверлил подозреваемого пустыми отверстиями для глаз.

– Я был с Надеждой Лихоткиной. Вечером, 16 числа мы ходили в кино, «Босс-молокосос», потом провели ночь у меня. – говорил он быстро, нервно сглатывая слова. Соколовский методично печатал, почти не глядя на подозреваемого. У него уже сложился свойственный служителям закона обвинительный уклон, неизбежная деформация сознания, при которой любой человек, сидящий напротив тебя на стуле для допроса, автоматически превращается в субъекта статьи. Человеческое в подозреваемом уничтожается в мозгу следователя, едва тот, законченный в наручники, переступает порог в сопровождении трех сотрудников полиции. Михеев, Коргин, стоявшие сейчас позади Колосова, естественно, также смотрели на него. Неважно, каким был Колосов до совершения убийства, сейчас он превратился в ходячий набор признаков, подходящих под конкретную ч.1 ст.105. Хорошо еще, что не часть вторую, ее лучше особо не применять. На памяти Соколовского ч.2 ст.105 вписывалась им в обвинительное заключение только раз, тогда, еще в Смирновке, деревне, где он раньше работал, электрик зарезал по

пьяне сожительницу, вспорол ей горло и зачем-то перед этим отрезал руки, применив, соответственно, особую жестокость. Зачем, он потом и сам объяснить не мог. Крови тогда на полу было как воды, она прилипает к ботинкам и плохо потом оттирается. Мамаша убитой, тоже испитая в хлам, тогда все причитала, сколько денег придется занимать на похороны. Сам факт того, что ее дочь с распоротой шеей валяется напротив, ее особо не волновал. Лишним ртом меньше, больше водки достанется. Жутко было смотреть, насколько человек может стать ниже животного.

–С утра она рассердилась на меня из-за моей ревности,– продолжал подозреваемый, – она с кем-то переписывалась в Контакте и не показывала мне, ну я и пристал с вопросами. Потом она показала, там была ее подружка, Ленка Липова. Пришлось извиняться и просить прощения. Она все равно обиделась, сказала, что еще вчера купила билет на автобус и поедет в деревню к тетке, что я ей надоел. Я вспылил и ушел на кухню. Через полчаса она пришла ко мне ластиться и подлизываться. Не знаю, почему у нее было такое поведение. Я предложил ей съездить на природу, подальше от города и пострелять.

–Откуда у вас был пистолет?

–Я нашел его зимой, возле кафе «Ноев ковчег», он там в снегу валялся, у задней стены.

–А где он сейчас?

–Я выбросил его в реку. Испугался, честно говоря.

–В Обь?

–Нет, в Барнаулку, недалеко от съезда на новосибирскую трассу– оперативники переглянулись. Это означало то, что после допроса им всем придется тащиться к Барнаулке, этой мутной грязной луже, и пытаться что-то выудить в иле и сухом камыше. – Мы поехали к «Бойцу», там спокойно. Мне не хотелось слушать ее вечное нытье про то, какая у нее сложная и тяжелая работа, а я колымлю и целыми днями режусь в танки. По дороге мы заехали в «Ленту», затарились продуктами для пикника. Сначала все было нормально, она веселилась и постоянно смеялась. Потом мы выпили. В стрелковом клубе занимались, она услышала выстрелы, ей понравилось. Я достал пистолет и предложил ей пострелять.

–Что было дальше?

–Она выстрелила, пуля ушла в «молоко», я засмеялся, она обиделась и выстрелила опять. Теперь пуля прошла рядом со мной. Я испугался, наорал на нее и выхватил пистолет. Пока мы пререкались, пистолет был у меня. Потом мне надо было сбросить напряжение, я начал стрелять по деревьям. Надя пошла вперед, оказалась на линии огня, а я не среагировал и нечаянно спустил курок. Она упала, я подбежал к ней, она молчала и не смотрела на меня. Я сбегал, сорвал ветку, чтобы ее укрыть. Когда вернулся, она не дышала, я завалил ее ветками и убежал.

–Почему не сообщили о случившемся?

–Говорю же, испугался,– немного раздраженно ответил Колосов, оперативники невольно напряглись, готовые в любую минуту повалить его на пол и скрутить. Уже был такой инцидент, когда пьянчужка, которого забыли обыскать, пропорол следователю ногу спрятанным в рукаве ножом, неожиданно бросившись на того. –Больше мне сказать нечего.

Соколовский доделал бланк, распечатал его на единственном рабочем принтере и протянул Колосову.

–Посмотрите, все ли верно записано.

Тот мельком проглядел поданный ему лист и отрывисто кивнул. Глаза у него бегали вперед-назад, он явно растерялся и не знал, что ему делать. И постоянно мял пальцами в наручниках отворот черной ветровки и протирал потными ладонями свои темно-синие джинсы. Он вспотел, и к сырости в кабинете добавился еще и резкий удушливый запах пота. Астматик Бернс, плотно сбитый парень тридцати лет, тоже старший лейтенант, напарник Соколовского, тяжело дышал. Астма у него развилась уже на работе, больше на нервной почве, чем из-за слабых легких.

–Оперативная съемка завершена в 19:35 вечера 21 марта,– методично отметил Бернс. Сказав это, он выключил камеру, подозреваемого под конвоем увели. В кабинете остались Михеев с Коргиным, они молча смотрели, как Соколовский оформляет бланки постановления о проведении очередных действий.

–Это то, о чем я думаю? – тоскливо протянул Михеев, утомленный сегодняшним мутным и педантичным днем до крайности. У него бурчало в животе, на весь отдел. Хотелось есть, курить и спать, а ночью снова нужно было в составе патруля таскаться по городу. Сокращения дошли и до дежурной части, плюс нескольких оперативников задело на недавней облаве наркоманов, так что людей было в обрез. Двоих на облаве убило наповал, теперь их семьи выбивали с дежурки компенсации. Гиблое дело, они просили по миллиону, вряд ли им дадут больше пятидесяти тысяч и то на всех.

–Увы,– кивнул следователь,– поехали копаться в Барнаулке. Надо же, я хотел на выходных вырваться на рыбалку, – саркастическим тоном добавил он, роясь в ящике стола в поисках таблеток. Парацетамол не мог купировать головную боль, оставалось мечтать об аспирине, лежащем дома. Вот она, суть любви на расстоянии, когда ты на работе, а твое спасение на квартире.

До Барнаулки, до установленного по координатам места, добрались к девяти часам вечера. Туда уже согнали СОГ с моторкой, баграми и сетями. Уже совсем стемнело, лужи покрылись тонкой беловатой коркой льда. Небо очистилось от облаков и покрылось звездами, что обещало кратковременное возвращение мороза. По-прежнему дул сильный ветер, оперативники то и дело плотнее надвигали капюшоны курток, пытаясь согреться. Не повезло Соколовскому и Коргину, которым пришлось лезть по колено, потом по пояс в ледяную мутную и вязкую воду и закидывать плотные сети, шерстя дно в поисках злополучного пистолета. Одежда намокает сразу, сначала продирает до костей, потом начинается привыкание, появляется заторможенность в движениях. Потом долго не можешь согреться, а наутро ниже пояса будет разваливаться от боли все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.